

Страшные годы войны – грозные годы блокады

Во время войны мой родной город Санкт-Петербург (он тогда назывался Ленинград) был окружён фашистами. Гитлеровцы хотели, чтобы ленинградцы сдались и отдали им наш любимый город. Но наша армия не оставляла своих позиций. Бои длились четыре года. Везде гремели взрывы, в воздухе свистели пули. Все пути для продовольствия были перекрыты врагами. В городе не было света, не работал водопровод (воду брали в проруби), не ходили трамваи, нечем было топить печи.

Но несмотря на все препятствия и лишения, и армия и гражданское население не сдавались, а защищали город и били фашистов.

А в блокадном городе всё время звучало радио. Передавались сообщения с фронта, музыка или просто удары метронома. И голодные, замерзающие люди знали, что город не сдан, что надо жить.

Голодные старики и дети трудились, не покладая рук на военных заводах, уходя домой только для сна. Они вытаскивали снаряды, необходимые для фронта. Еды было очень мало, поэтому выживали только те, у кого была сильная воля и нерушимая вера в победу, кому дружба и взаимопомощь позволили пережить тяготы и лишения всех девятисот дней блокады.

27 января 2010 года - день шестьдесят шестой годовщины снятия Блокады. Сейчас жителей блокадного Ленинграда осталось очень мало. Но память об их мужестве и героизме до сих пор сохранилась. И мы обязаны помнить, что наш город настоящий герой.

Мы, ныне живущие, должны постараться сделать всё, чтобы такое больше не повторилось, чтобы старики и дети не умирали от голода и холода, чтобы подросткам больше никогда не приходилось тушить зажигательные бомбы на городских крышах.

Мы благодарны всем людям, защитившим наш город.

В среду 9 мая 1945 года все радиостанции Советского Союза сообщили о том, что наша армия победила.

Это означало – Ура! Ура! Ура!- конец войне!

Мои бабушка и дедушка тоже пережили войну, но были ещё совсем маленькими. Когда началась война, дедушке было два года, а бабушке три месяца.

Война прошла через всю Европу. Самые большие человеческие потери выпали на долю нашей страны. Когда немцы пришли на Украину, они вели себя как хозяева, палачи, воры и террористы. Они отнимали еду, вещи, сжигали дома, убивали людей. Услышав сообщение о близости фашистских войск, люди поспешно стали собирать своё хозяйство и уезжать из своих

родных сел и городов в безопасные места, туда, куда еще не добрались немцы. Некоторые оставались дома или уходили в леса к партизанам.

Как помогали украинским жителям и партизанам бороться с фашистами пионеры, которые не успели вернуться после летних каникул домой, я узнал из книги В.Осеевой «Васёк Трубачёв и его товарищи».

Они добывали секретную информацию и передавали её партизанам, они помогали партизанам держать связь с местным населением. Это было очень не просто и опасно. Некоторые из них погибли от рук фашистов.

Семья дедушки – мать, два брата и сестра - жила на Украине в городе Никополь. Фашисты отбирали у местного населения скот, птицу и прочее продовольствие. Тех, кто прятал, жестоко наказывали. И дети, и их родители терпели нужду и голод. Однажды у моего дедушки, который сидел на крыльце дома, фашисты выхватили из рук его любимую подушечку и стали ей перебрасываться, как мячиком. Хорошо из дома вовремя выскочила дедушкина мама и забрала перепуганного малыша в дом.

Семья бабушки – две бабушки семидесяти лет, мама с двумя сёстрами семнадцати и четырнадцати лет и старшей сестрой полутора лет– была эвакуирована на Урал, в город Чусовой. Работала только бабушкина мама, моя прабабушка, а кормить надо было семерых. Днём моя прабабушка учила детей в школе. А после уроков и в выходные дни, вместе со школьниками ходила на лесозаготовки.

Местное население неохотно продавало продукты, иногда меняло на вещи. Дороже всего оказались ёлочные игрушки. За них даже дали ведро картошки и стакан молока. Картошку съели, очистки высушили и оставили на чёрный день, который не замедлил наступить. Бабушка и теперь помнит как «дерёт» горло, когда грызёшь картофельные очистки (она не любит чипсы - они напоминают о голоде).

...С каждым годом людей переживших блокаду и войну становится все меньше и меньше. Мой дедушка не дожил трех месяцев до моего рождения. Его здоровье было подорвано голодным детством. О нем и его военном детстве я знаю из рассказов родных. Перестали взрываться бомбы и разрываться снаряды, но отголоски страшной войны звучат и по сей день. Каждый год в память о ней загораются в квартирах петербуржцев свечи, и монотонно звучит метроном:

- Пом-ни-те! Пом-ни-те! Пом-ни-те!

*Андрей Останин,
ученик 3а класса 490-й школы*

Страшные годы войны – грозные годы блокады

У моего папы есть старший приятель Борис Иванович Иванов. Он уже старый, ему 82 года. Когда в 1941 году началась блокада и наш город Ленинград окружили немцы, он был подростком и жил здесь, а когда вырос, написал о блокаде повесть «Белый город». Папа дал мне эту повесть почитать.

...Над Ленинградом летали аэростаты, чтобы не пропускать немецкие самолеты. Часто выли сирены, это был знак воздушной тревоги. На город налетали бомбардировщики «Юнкерсы» и истребители «Мессершмидты». На крышах домов устанавливали пулеметы и зенитки. По улицам грохотали танки.

Ленинградцы, и маленькие ребята тоже, по очереди поднимались ночью на крышу дежурить. Когда появлялись немецкие самолеты, на земле включали прожектора, прилетали наши истребители и стреляли зенитки. А дежурные на крышах хватали длинными щипцами зажигательные бомбы и гасили их в бочке с водой или песком.

Борис Иванович рассказал в своей повести, как он вместе со своей мамой ходил на крышу дежурить и как в небе было красиво от выстрелов, зажигательных пуль и осветительных ракет.

«Голубой мерцающий свет пал на разлив крыш. И там, и там цепочки разноцветных точек взлетели в небо.

– Ты посмотри, посмотри, – заговорил Генка.

Он никогда не видел свой город таким красивым. Он утратил каменную тяжесть – он клубился шпилями, плавился окнами – как будто тысячью глаз выглянул из домов, его отражение поплыло по водам. Город будто снялся с места и медленно завращался вокруг одной гигантской оси. Что-то пьянящее, праздничное было в кружении, в огнях, в нестерпимой красоте, от которой хотелось плакать.

Вот она, война!

Вот она какая!

– Смотри, смотри... – повторял мальчик».

Но когда зимой начался холод, стали закрывать школы, нечем было их топить. Еды становилось все меньше и меньше, не всем ее хватало, некоторые из-за нее ссорились, некоторые делились с друзьями.

«Нескольким ученикам не достались конфеты. С кухни вышли две учительницы: "Мы только что по счету выдали разносчикам по две конфеты на каждого присутствующего ученика. Кто взял чужие конфеты?" Учительницы стали обходить столы. Кто-то предложил счастливым обладателям двух конфет выделить по одной для пострадавших. Генка видел, как некоторые стали спешно запихивать свои конфеты в рот. В столовую

вызвали завуча и директора школы. Они попытались найти выход из положения.

Один из десятиклассников всех перекричал:

– Я отдаю половину конфеты... Поможем нашим товарищам!

Генка понес сдавать половину своей конфеты. Другую половину он положил в рот на улице».

...Еду привозили по льду Ладожского озера по Дороге жизни на грузовиках. Остальные места вокруг Ленинграда были заняты немцами, там проехать было невозможно. Зимой было очень холодно, батареи отопления не работали, маленькие печки нечем было топить, не хватало дров. Приходилось сжигать свою мебель и книги. Трамваи не ходили, люди добирались на работу пешком.

Многие мальчишки мечтали убежать на фронт, чтобы помогать воевать солдатам. Ходили слухи, будто Ленинград собираются взорвать, чтобы немцам достались только руины и развалины. Неизвестно, так это или нет.

...На Фонтанке есть Аничков мост со статуями лошадей. В основание одной статуи попал снаряд и сделал вмятину на граните. Там есть табличка, что по Ленинграду немцы выпустили 148 478 снарядов.

Блокада началась 8 сентября 1941 года и закончилась 27 января 1944 года, - всего 900 дней. Из двух с половиной миллионов ленинградцев, оказавшихся в окружении, погибло почти 800 тысяч. Многие из них похоронены на Пискаревском кладбище. Там поставили большую статую Родины-матери. 9 Мая я ходил туда вместе с мамой, мы возложили к памятнику цветы.

Литература:

Борис Иванов. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва, 2009.

Дети - о близких.

К. Сарачук, выпускник 233 школы 2009 года

Что такое реликвия? Если обратиться к словарю, то мы найдём такое определение:

РЕЛИ́КВИЯ (от лат. reliquiae — остатки, останки) —

- 1) Объект религиозного поклонения, который в представлении верующих обладает необыкновенной, таинств силой.
- 2) Памятная вещь, хранимая, оберегаемая и почитаемая. (Сл. Брокгауза и Ефрона)

Однако мне кажется, что у каждого человека своя реликвия. Для одного - это письма своих предков, для другого – старинные книги, для третьего – предметы быта.

И у нашей семьи тоже есть своя реликвия.

История реликвии нашей семьи уходит корнями в годы Великой Отечественной войны.

Мой прадедущка, Миньков В.И., прошёл две войны: сначала финскую кампанию 1939-1940 г.г., затем Великую Отечественную войну. Он воевал на одном из кораблей Краснознамённого Балтийского Флота, войну закончил в звании капитана 3 ранга.

Осенью в 1943 году в одном из боёв эсминец моего прадедущки был подбит и затонул. Сам он получил ранение. Прадедущке удалось добраться до берега, где ему оказали помощь десантники. Они доставили его в госпиталь. В 1945 году прадедущка был демобилизован по ранению.

В память о нём остался у нашей семьи кортик.

Есть у нашей семьи и другие реликвии, связанные с годами Великой Отечественной войны. Это – фронтовые письма первого мужа моей прабабушки Мальцева Е.С.. Память об этом человеке очень крепка в нашей семье.

Первый муж моей прабабушки работал в Ленинграде – он был главным механиком завода им. Кулакова и имел бронь. После начала Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, в начале 1942 года, он ушёл добровольцем на Ленинградский фронт. Несмотря на непрекращающиеся боевые действия, он иногда имел возможность видеться с моей прабабушкой. В середине 1942 года моя прабабушка заболела цингой и была при смерти. И тогда муж помог ей с оформлением документов и эвакуацией из осаждённого города (её эвакуировали в начале осени 1942). Именно благодаря ему моя прабабушка сумела выжить в суровые годы Великой Отечественной войны.

После эвакуации первый муж моей прабабушки справлялся о её здоровье. В последнем своём письме к ней 1 января 1943 он пишет: «Дорогая моя Катюша, здравствуй! Я рад, что тебя вывезли из Ленинграда, и что у тебя всё хорошо...» А через месяц, 7 февраля 1943, прабабушка получила извещение за номером 1382: «Ваш муж... в бою за социалистическую родину, верный

воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран 7/Ш-43...».

Мальцев Е.С. был похоронен близ пристани Беляева (р. Нева) в Ленинграде.

*А. Джакипов,
ученик 6в класса 233 школы*

Моя семья жила в Киргизии, расположенной очень далеко от линии фронта, но и ее жителей коснулась война. Сюда были эвакуированы многие заводы из Центральной России, мой прадедушка воевал, а дедушка, которому исполнилось только 11 лет, вместе со сверстниками помогал в полевых работах, чтобы обеспечить потребности фронта.

Однажды во время посевной была сильная гроза. Стихия разбушевалась: грохотал гром, сверкала молния. В один момент молния сверкнула так близко и гром ударил так сильно, что лошади, которые использовались на работах, испугались и разбежались в разные стороны. Мой дедушка и его товарищи кинулись за ними, но не смогли поймать.

Без лошадей закончить посев в срок было невозможно. Ребята, чувствуя ответственность за порученное им дело, отправились на поиски. Двое суток искали они беглецов, ночью освещали себе путь самодельными факелами. Найдя же лошадей в ущелье за 20км, мальчишки, несмотря на усталость, с удвоенной энергией взялись за работу и закончили ее в срок.

Вот так каждый взрослый, подросток и даже маленький ребенок вносили свою лепту в борьбу с фашистами.

*А. Харенко,
ученик 10 класса 233 школы*

Это случилось в августе 1941 года на Украине. Деревню Острая Могила в Киевской области захватили фашисты. В деревне остались старики, женщины и дети. Все, кто мог воевать, ушли в партизаны.

Партизаны ночью приходили в деревню, чтобы узнать количество немцев, а также за какими-нибудь продуктами. Все деревенские знали друг друга. Были среди них как хорошие, так и плохие люди.

В одном доме жила семья: женщина и трое детей. Младшему ребенку было всего три месяца. Однажды после очередного прихода партизан кто-то донес немцам, что здесь бывают партизаны. Фашисты пришли к женщине, вывели ее во двор, на руках она держала крохотную дочь.

Женщину расстреляли, а девочка чудом осталась жива: она выпала из рук матери на мягкую траву. Старшие дети подняли свою сестру и убежали в соседнюю деревню к тетке.

Девочка, которая осталась жива, - моя бабушка. Зовут ее Валентина Станиславовна Чередниченко. Она врач-лаборант, и, несмотря на то, что ей почти 69 лет, она до сих пор работает в одной из больниц Киевской области.

Когда я решила участвовать в конкурсе «Я помню! Я горжусь!», вопрос о том, на какую тему писать, передо мной не стоял. Конечно, только о блокаде. О той страшной цене, которую заплатили мои близкие за Великую Победу. Прошло почти 65 лет, но День Победы наша семья отмечает постоянно - это традиция. Все мы, те, кто пережил блокаду, их дети, внуки и даже правнуки, собираемся каждый год в доме 9 по Железноводской улице на Васильевском острове. Именно там провели наши бабушки и их родители страшную блокадную зиму 1941-1942 года. И минута молчания по телевизору для нас не пустой звук. Мы её не пропускаем. Для нас это возможность вспомнить погибших, помолиться за них, поговорить с ними.

Лишь один вопрос меня мучил: могу ли я писать только о своей семье, если надо говорить о подвиге народа? Ведь подвигов мои родные не совершали, просто жили в блокадном городе - и всё. Потом решила – могу. Ведь история моей семьи – страница истории моего народа, а выжить в те месяцы и сохранить при этом человеческое лицо – разве это не подвиг?

Но я снова возвращаюсь к моей семье. Она была большой и дружной.

Её глава - Гаспар Семёнович Кишко - мой прадед. Его жена – Анна Фёдоровна Богданова - моя прабабушка. У них было много детей (6 дочерей и 2 сына) в возрасте от 22 лет до года. До сегодняшнего дня дожили лишь моя бабушка Тамара и две её сестры, Людмила и Нина. Именно их воспоминания легли в основу моей работы.

Когда началась война, прадеда призвали на службу в МПВО. И с тех пор его отпустили домой лишь раз, чтобы проведать детей. Даже сообщать, что он жив, удавалось редко. А 18 декабря в 5 часов утра в дверь постучали две девушки, попросили прийти его навестить. Прабабушка пошла, но в живых не застала. Ей сообщили, что её муж умер от сердечного приступа. Накануне часть, в которой служил прадедушка, разбирала дом, разрушенный прямым попаданием снаряда. Это был детский сад. Никого из малышей спасти не удалось. Глядя на эту трагедию, прадед, конечно, думал о своих детях. Вот сердце и не выдержало. Когда он умер, под подушкой у него нашли немного хлеба - это он копил для своих дочерей. Хлеб вместе с документами передали вдове, а прадеда похоронили в братской могиле на Смоленском кладбище.

Старшая дочь в семье, Валя, для меня бабушка Валя, о блокаде почти никогда не говорила – не могла, хотя провела в городе все 900 страшных дней. Тут она получила известие о гибели мужа, похоронила в мае 1942 года дочку Галочку. Работала на заводе «Марксист», была членом бытового отряда (такие отряды помогали выживать обессиленным людям). Бабушка Валя награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Больше всего о блокаде рассказывала мне бабушка Нина. Перед войной она работала на фабрике «Красное Знамя». Уже 16 июля её послали рыть окопы. Сначала копали с 6 утра до темноты под постоянными налетами и

обстрелами. Руки были в кровавых мозолях, ныла спина. Но никто не жаловался. К месту работы из школы, где ночевали, шли строем, на плечах несли лопаты. Лопаты сверкали на солнце, привлекали внимание фашистов. Их самолеты расстреливали колонны с бреющего полета, в упор. Тогда стали работать ночью, с 7 часов вечера до рассвета. Если не бомбили, то и после отбоя никто не уходил. 50 минут копали, 10 - отдыхали. За это время все мгновенно засыпали, не обращая внимания на взрывы. Так продолжалось больше месяца. После бабушку Нину направили на земляные работы в район Комендантского аэродрома. От дома на Железноводской улице (Васильевский остров), где жила тогда наша семья, путь не близкий. А 17-летняя девушка ходила так всю блокадную зиму 1941-42года. Бабушка Нина вспоминает, что вставать приходилось в 6 утра. Это было мучительно – волосы примерзали к подушке, и их приходилось буквально отдиравать. Малюсенький кусочек хлеба и кружка кипятка с солью – вот весь завтрак и обед. Причем хлеб приходилось подсушивать на буржуйке, ведь он больше напоминал кусок мокрой глины. С 4 этажа спускалась медленно, в полной темноте, иногда натываясь на тела погибших. На улице мороз 30-35 градусов, ничего не видно. А дорог нет – только маленькие тропки. В пути надо было отдыхать. Но долго в снегу сидеть бабушка боялась – вдруг не сможет подняться. Ходили тогда все одинаково: чуть согнувшись и наклонившись вперед, словно против ветра. Но все равно шатались и шли, не обращая внимания на тревоги – силы и страха уже не было. Работали до тех пор, пока не стемнеет. Потом – снова домой. И так каждый день без выходных. Большим праздником стал день 31 декабря 1941 года. Бабушке выдали 8 блинов. Они были грязно-серого цвета, даже не гнулись от мороза. Но это была еда! Чего стоило бабушке Нине не съесть блины, а донести до дома. А весной бабушка Нина слегла. Думали, что умирает. Старшие сестры на саночках довели ее до поликлиники, чтобы она могла получить талоны на усиленное питание. Председатель комиссии, суровая женщина в военной форме, позвала ее: «Бабушка, подойдите!». Потом посмотрела в паспорт и разрыдалась: бабушке-то было 17лет! Бабушка Нина помнит и дорогу в эвакуацию, помнит, что во время переправы по Ладоге их постоянно бомбили, что затонул соседний катер. Помнит, как с катеров их переносили на руках молоденькие матросы – и тоже плакали, не стыдились слез...

Хочется сказать немного и о моей прабабушке Анне Федоровне. Именно ей в блокадную зиму пришлось хуже всего, ведь страдала она не только за себя, но и за своих детей. Я думаю, что выжившие дети обязаны жизнью только ее мужеству и силе духа. Прабабушка уже с первых дней блокады установила в семье строгий порядок. У каждой из старших дочерей были свои обязанности по дому. Валя и Маша, перед тем как идти на работу, отправлялись на залив за водой. Это было тяжело. У прорубей скапливались очереди. Стояли по часу на ледяном ветру, иногда в очереди кто-нибудь падал и умирал. Сразу набрать чайник или ведро сил не было, поэтому черпали воду кружками, стоя на коленях. Когда сил ходить за водой не стало, брали во дворе снег, таяли его и эту воду пили. Маша также должна была

выкупать на всю семью по карточкам хлеб. С 13 ноября 1941 года старшие сестры, как рабочие, получали по 300 граммов хлеба, все остальные - по 125. Выкупали сразу весь хлеб, получалась целая буханка с довесочком. Прабабушка резала хлеб вдоль пополам. Одну половину ели на завтрак, другую оставляли на вечер. Делили всем поровну: и детям, и взрослым. Резали хлеб на белой доске – чтобы видна была каждая крошка. Крошки собирали и кидали в кипяток для детей. Я все время говорю: дети, малыши. Их было пятеро. Старший, Валя, с ноября не ходил. Он лежал в кровати и мечтал, что если дотянет до прибавки хлеба, то обязательно выживет. А утром 24 января он умер, не дожив 5 минут до объявления о повышении норм выдачи хлеба.

Другие дети тоже не ходили – не было сил. Они лежали на широкой кровати, поперек, под ворохом одеял. Их старшие сёстры вспоминали, что ужасно было слышать, как то один, то другой начинал плакать. Тихонько, ведь сил-то не было. Это был плач от голода. А помочь никто не мог - чем?

В то время все перебрались в самую маленькую комнату, чтобы было теплее. Топили буржуйку два раза в день - немного погреться и вскипятить воду. Холод в комнате был страшный: стены, потолок- всё обледенелое. Чуть больше натопишь - сразу капало со стен. Окна ещё с лета плотно завесили одеялами, чтобы не нарушать светомаскировку. Поэтому в комнате всегда царил мрак. Холод, мрак и тишина - только метроном стучал. Радио не выключали, так в квартире ощущалось какое-то подобие жизни. В убежище зимой уже не ходили - привыкли, да и силы бы не хватило. О том, чтобы помыться или постирать, даже не думали: в квартире было не теплее, чем на улице. Мокрая ткань застывала немедленно. Так моя прабабушка и проводила дни у постели с малышами, которым ничем помочь не могла. Бабушка Нина вспоминала, что по утрам мама провожала старших дочерей на работу особым долгим взглядом: понимала, что вечером они могут и не встретиться.

21 апреля 1942 года умерла двухлетняя Лидочка, уснула и не проснулась. Через месяц - Галя, ей было 3 года.

А летом 1942 года прабабушку вместе с младшими детьми отправили в эвакуацию. Она не хотела, боялась не довезти детей, из которых никто не мог самостоятельно ходить. Но ехать пришлось. И только в августе 1945 года они вернулись. Вернулись в совершенно пустую квартиру, ведь из мебели остались только две железные кровати, стол и стул. Остальное было сожжено в первую блокадную зиму.

Вот такая она, блокадная история моей семьи. Почти 65 лет прошло, но все погибшие живы для нас и теперь. В их честь выжившие сёстры называли своих детей. В нашей семье снова звучат имена Лида, Галя, Валя. Жизнь продолжается... Но правильно говорят: без прошлого нет будущего. Я точно знаю: наше прошлое всегда с нами.